

Принцесса Чуннин и Цзян Юань задали тон вечера: их стихотворная перекличка завершилась, но остаточное очарование еще долго витало в осеннем воздухе, словно круги на воде. Музыка смолкла, и наступил самый изысканный момент — церемония раскрытия поэтического свитка.

Несколько слуг в лазоревых одеждах легко и быстро внесли длинные столы из грушевого дерева, расставив их по краю водоема. На них развернули полотна тонкой бумаги, прижали пресс-папье, а рядом на резных нефритовых подставках положили кисти из ворса соболя.

Это и был поэтический свиток — место, где знатные господа и дамы могли анонимно оставить свои строки. Любой желающий мог прочесть чужие стихи, а если они находили отклик в душе — приложить к ним чистый лист со своим комментарием или ответным стихотворением. Свободный обмен мнениями, споры и размышления часто рождали удивительные озарения, обнажая истинный талант и характер авторов.

Вскоре двор наполнился оживлением: молодые люди и девушки, охваченные вдохновением, то задумчиво бродили, то усердно выводили иероглифы, то тихо перешептывались в кругу друзей. Атмосфера была по-настоящему изысканной и непринужденной.

Се Линъи неспешно прогуливалась вдоль столов, вглядываясь в свежие чернильные строки. Здесь были и нежные, изящные стихи, напоминающие девичьи признания, и дерзкие, напористые строки, подобные звону мечей в руках юных воинов. Все это казалось ей весьма любопытным.

Однако внезапно её взгляд зацепился за одну из работ, и мягкая, вежливая улыбка на её губах застыла.

Стихотворение было пропитано ядом и злобой. Его автор обрушился с нападка на генерала Лу Сяоханя, героически погибшего, защищая Ланьян. Генерала обвиняли в упрямстве, недалекости, жажде славы и безрассудстве, приписывая ему тяжкий грех — срыв военных планов и гибель целого войска. Автор не гнушался ничем, очерняя память верного воина, чья душа уже нашла покой.

Пальцы Се Линъи, скрытые в широких рукавах, непроизвольно сжались.

Окинув взглядом пространство, она заметила у перил беседки фигуру в темно-пурпурном одеянии. Пэй Чжаохэн, казалось, был совершенно равнодушен к происходящему: он лениво вертел в руках бокал, в котором отражались огоньки ночных фонарей, и смотрел на янтарное вино.

Се Линъи, не подав виду, отошла к другому, более уединенному столу. Взяв чистый лист, она взялась за кисть и написала достойный ответ, полный праведного гнева.

Отложив кисть, она развернулась и оставила лист лежать в общем ряду.

Это движение не ускользнуло от внимания Пэй Чжаохэна. Хотя он и притворялся скучающим, на самом деле он не спускал с неё глаз.

Друзья силком притащили его на этот вечер, и Пэй Чжаохэн откровенно скучал, слушая пустые, напыщенные стихи. Но когда он увидел, как девушка в желтом платье — та самая, из-за которой он дважды «случайно» оплошал, — с решительным видом взялась за перо, его охватило искреннее любопытство.

Он небрежно подошел к столу и, как только Се Линъи отошла, взял в руки листок.

Пробежав глазами по строкам, Пэй Чжаохэн перестал притворяться равнодушным. В стихотворении воспевался подвиг генерала, который «одиноким крепостью под закатным солнцем сдерживал небеса, а его кровь на желтых песках стала свидетельством верности стране». А затем следовал тонкий намек: «Почему же приказ задержался, а склады провианта пустовали так долго? Не генерал был лишен стратегии, а козни демонов погубили великое дело».

Притворяется кроткой овечкой, а на деле — смелости ей не занимать. Почти удалось её обмануть.

Уголок губ Пэй Чжаохэна едва заметно дрогнул. В такой обстановке написать стихи, открыто указывающие на пороки власти и почти граничащие с неповиновением, — эта девица Се обладала невероятным мужеством и глубоким умом. Она явно не из тех, кто довольствуется малым.

Пэй Чжаохэн чуть заметным движением пальцев аккуратно сложил листок и спрятал его в широкий рукав из облачной парчи.

Подняв глаза, он снова нашел взглядом фигуру в желтом. Сомнения, до сих пор терзавшие его, начали рассеиваться. Похоже, она совсем не похожа на своего хитрого дядюшку Су Вэньюаня или изворотливого отца Се Цзина.

В этот момент кто-то из присутствующих, заметив, что молодой генерал Пэй, известный лишь любовью к скачкам и развлечениям, вдруг проявил интерес к поэзии, не преминул подколоть его:

— Господин генерал Пэй! Неужели сегодня звезда литературы снизошла до вас? Вы решили оценить изящную словесность? Почему бы и вам не показать своё мастерство, чтобы мы могли расширить кругозор?

Этот возглас привлек к нему всеобщее внимание. Се Линъи тоже обернулась.

В мерцании ламп Пэй Чжаохэн выглядел особенно статно в своем пурпурном халате с темным

узором, стянутом на талии нефритовым поясом. Он не стал надевать головной убор, лишь небрежно закрепив волосы нефритовой шпилькой. Несколько выбившихся прядей падали на лоб, придавая ему дерзкий, романтический вид. Его слегка прищуренные глаза-фениксы, отражающие свет ламп, смотрели на толпу с насмешливой улыбкой.

Если бы не его дурная слава гуляки, одно лишь это лицо, не говоря уже о знатном происхождении и военных заслугах, заставило бы сердца бесчисленных красавиц Шанцзина биться чаще.

Под дружный смех и подначки Пэй Чжаохэн не стал отказываться. Усмехнувшись, он взял кисть и, немного подумав, начал писать.

Это было стихотворение о гибискусе — пышное, богатое описаниями его изменчивой красоты, сравнивающее цветок с несравненной красавицей. Использованные аллюзии были тонкими, а слог — безупречным. Стало ясно, что он вовсе не так невежествен, как казалось.

Однако в самом конце стиха смысл едва уловимо изменился: «Острый ум и красноречие плетут искусные узоры, но в тени скрывается глубокий аромат». Казалось, он хвалит проницательность красавицы, но в то же время слегка подтрунивает над ней.

Многие захлопали в ладоши, восхищаясь тем, что молодой генерал, хоть и забросил учебу, сохранил наследие благородного рода.

Лишь Се Линъи, перечитав строки несколько раз, почувствовала, что в них сквозит намек: мол, есть тут одна особа, чьи речи остры, а статьи искусны, да и скрывает она свои истинные помыслы весьма глубоко.

После этого «представления» Пэй Чжаохэна обстановка у озера стала еще более оживленной. Се Линъи не хотела оставаться в центре внимания — у неё были дела поважнее. Воспользовавшись суматохой, она тихо отошла в тень и продолжила прогулку вдоль столов в одиночестве.

В небольшой беседке, скрытой от общего шума, она увидела мужчину в лазоревом халате. Он стоял спиной к веселью, склонившись над столом и что-то быстро записывая, словно не замечая окружающего гвалта. Свет фонарей в беседке был тусклым, и мужчина находился на границе света и тени, поэтому его лицо было трудно разглядеть. Лишь силуэт — стройный, словно бамбук, — излучал спокойствие и достоинство, резко контрастируя с суетой вокруг.

Догадавшись, кто это, Се Линъи тихо подошла ближе и взглянула на еще не высохшие чернила на его листе.

«В селениях запустение, слышны лишь стоны, тяжкий труд земледельцев вызывает лишь скорбь».

Се Линъи подняла взгляд на мужчину. У него были выразительные надбровные дуги и легкий загар — след недавних поездок по полям. Несмотря на явную усталость, его глаза в момент написания строк светились необыкновенным блеском.

— У вас великий дар, — тихо произнесла Се Линъи. — Ваши стихи полны глубокой печали и искренней заботы о простом народе. Читая их, я не могу не испытывать уважения.

Мужчина поднял голову. Увидев перед собой изящную девушку, он поспешно поднялся и сложил руки в приветственном жесте, а его сосредоточенное выражение сменилось смущением:

— Вы слишком добры, госпожа, я не заслуживаю такой похвалы. Меня зовут Ду Шаоцзинь. Это лишь каракули, попытка выплеснуть чувства, они не стоят внимания знатоков.

— Вы — третий сын господина Ду из Цзинчжао, — сказала Се Линъи, поклонившись. — Я — Се Линъи. Моя матушка была близко знакома с вашей, поэтому ваше лицо показалось мне смутно знакомым, кажется, я видела вас в детстве.

Уши Ду Шаоцзиня покраснели, он опустил взгляд и ответил тише:

— Вы очень внимательны, госпожа. Я младший в семье и по милости императора занимаю должность уездного судьи в Ваньняне. Эти стихи... я лишь записывал то, что вижу каждый день, объезжая поселения и разбирая тяжбы. Видя страдания людей, я не могу найти покоя, вот и запечатлел свои мысли на бумаге.

— «Думая об этом, я стыжусь себя и не могу забыть об этом весь день». Ваши строки перекликаются с искренним состраданием к нелегкому труду земледельцев, которое было свойственно великому поэту Бай Цзюю в его юности.

— Куда мне до великого Бай! Я лишь стремлюсь, подобно ему, твердо стоять на земле и делать хоть что-то реальное для людей, которыми управляю, — в глазах Ду Шаоцзиня промелькнула мечтательная искорка.

Се Линъи слегка покачала головой:

— Обладая столь сострадательным сердцем и стремлением помочь миру, разве не будет расточительством ограничиваться лишь должностью уездного судьи? Если однажды вы возьмете на себя более тяжелую ношу и сможете реализовать свои амбиции, скольким же людям вы сможете принести благо?

Ду Шаоцзинь на мгновение замолчал, а затем тихо ответил:

— Вы не знаете, госпожа. Моя родная мать рано скончалась, и хотя мачеха воспитывала меня

как родного, мой вспыльчивый характер не по душе отцу. То, что я сдал экзамены и получил эту должность — уже великая милость императора, я не смею просить о большем.

Се Линъи снова поклонилась:

— Вы слишком скромны, господин Ду. Стихи выражают волю, и я уже немного поняла вашу. Мир полон трудностей, а людские дела не всегда идут гладко, но жемчужина не должна покрываться пылью.

В глазах Ду Шаоцзиня мелькнуло замешательство.

Се Линъи продолжила:

— Если в течение месяца вы отберете свои лучшие работы и отправите их в книжную лавку Цинпин в переулке Цинпин на юге города, возможно, вы найдете иной путь для реализации своих стремлений, чтобы не растратить впустую то, что заложено в вашей душе.

Ду Шаоцзинь стоял, сжимая в руках свиток, и смотрел вслед удаляющейся девушке. Лишь через некоторое время он спохватился и почтительно поклонился ей вслед.

<http://bllate.org/book/19397/1899340>